

П.М. Вергилий

**Буколики. Георгики.
Энеида**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П11

П11 **П.М. Вергилий**
Буколики. Георгики. Энеида / П.М. Вергилий – М.: Книга по Требованию, 2021. – 386 с.

ISBN 978-5-4241-1651-3

В книгу вошли три произведения Публия Вергилия Марона: поэма о сельском хозяйстве "Георгики", "Буколики" - "пастушеские" песни и "Энеида" - повествование об Энее. Предисловие С. Шервинского, перевод с латинского С. Шервинского и С. Ошерова, примечания Н. Старостиной.

ISBN 978-5-4241-1651-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П.М. Вергилий, 2021

Вергилий
Буколики. Георгики. Энеида

Вергилий и его произведения

В музее Бардо в Тунисе среди мозаичных полов, сохранных слоем песка в прибрежных областях Северной Африки и относящихся к первым векам нашей эры, выставлена мозаика, вывезенная из города Суса, изображающая Вергилия. Конечно, портрет — «идеальный», созданный, когда модели давно не было в живых, но черты изображенного носят характер столь индивидуальный, что невольно думается о портретном сходстве. Кроме того, черты поэта на сусской мозаике убедительно совпадают с тем, как описал Вергилия Светоний. Он тоже воссоздал образ поэта спустя лет сто после его кончины, но позволительно думать, что предание хранило еще с достаточной точностью его подлинный облик. Светоний говорит, что Вергилий был высокого роста, черноволос и костист, при этом добавляет, что вид у него был скорее селянина, а не человека высшего круга. Именно таким рисуется Вергилий и на мозаике музея Бардо. В его внешности нет никакой утонченности, которая в век Августа уже свойственна была образованным слоям римского общества и принимала иной раз формы щегольства. Вергилий сусской мозаики сидит очень прямо, коротко острижен, взгляд у него глубок и выражение сосредоточенно.

По сторонам поэта стоят две музы. Та, что за правым плечом, держит свиток, другая, со скорбным лицом и театральной маской в левой руке, пригорюнилась, облокотившись на спинку кресла, где сидит поэт. Никакой иной музы она не может быть, кроме Мельпомены. Нас не должно удивлять ее присутствие рядом с поэтом, не сочинявшим драматических произведений: Гораций, тоже не бывший драматургом, упоминает в последнем стихе своего знаменитого «Памятника» именно Мельпомену и призывает ее гордиться заслуженной славой.

Прежде чем знакомить читателя с жизнью Вергилия, необходимо оговориться, что ни одна его биография не может быть достоверной, поскольку основана на источниках довольно поздних и уже поэтому ненадежных. К сожалению, и авторы новых и новейших исследований жизни Вергилия противоречат друг другу. В результате приходится мириться с тем, что в биографии поэта остаются пустоты и туманности, которые вряд ли удастся когда-нибудь заполнить или прояснить.

Вергилий родился около Мантуи 15 октября 70 года до н. э. Отец его был зажиточным человеком, владельцем не только земли, но и мастерской керамических изделий — изящные цизальпинские глиняные вазы широко расходились по всему Средиземноморью. О матери Вергилия мы не имеем сведений, кроме легендарных, приписывающих ей вещий сон, связанный с рождением ее великого сына.

В ту пору, когда Юлий Цезарь, подчинивший Риму большую часть Западной Европы, победоносно продвигался к Риму, встречаемый недоброжелательством приверженцев республики, Вергилий был школьником. Отец отправил его учиться сначала в Кремону, а потом в Милан, где в то время были выдающиеся педагоги. Лет пятнадцати он приехал в Рим и поступил в учение к известному ритору Эпидию. Само поступление в эту школу свидетельствует, что отец Вергилия принадлежал к уважаемому общественному слою, так как в ней получали образование и представители знатнейших римских фамилий. Достаточно сказать,

что там обучался внучатый племянник Цезаря Октавиан, будущий Август. Октавиан был моложе Вергилия на шесть лет, но, поскольку учение Вергилия в Риме длилось долго, поэт, вероятно, успел лично встретиться в школе с будущим властителем мира. Тогда Октавиан был уже назначен Цезарем в преемники и возведен четырнадцать лет в сан великого понтифика, то есть духовного главы народа. В школе возникли дружеские связи, обеспечившие Вергилию положение в высшем обществе Рима. Что касается Октавиана, то он всю жизнь покровительствовал Вергилию и питал к нему личную приязнь.

Вергилий усердно занимался философией, преимущественно эпикурейской, и много читал. Может быть, уже здесь усвоил он основы медицины, физики и математики. В 54 году до н. э. вышла в свет, посмертно, поэма Лукреция «О природе вещей». Она оказала на юношу решающее влияние своей материалистической теорией мироздания, опирающейся на учение Эпикура, и своей поэтической силой. В эти годы Вергилий нашел свою истинную дорогу поэта. Попытка заняться адвокатурой, профессией, открывавшей доступ к государственным должностям, была тут же оставлена. Нельзя при этом не учесть, что Вергилий, по свидетельству древних, которое мы должны принять на веру, лишен был природного ораторского таланта, — речь его была медлительна, он был несвободен в движениях и крайне застенчив. В 45 году Вергилий переехал в окрестности Неаполя к философу-эпикурейцу Сирону и стал обладателем скромного поместья, где ему предстояло до конца дней заниматься на лоне природы неторопливой литературной работой. В эпикуровом «саду» Сирона среди просвещенных молодых друзей был и поэт Горацій.

За истекшее с приезда в Рим десятилетие Вергилием было, по-видимому, написано немало. Однако дошедшие до нас под его именем произведения, далеко не достигающие совершенства остальных его творений, признаются филологической наукой сомнительными. Лишь в последнее время снова обозначилась тенденция считать эти произведения первыми опытами начинающего таланта с естественными для «школьного» периода недостатками. Они обычно публикуются в качестве «Приложения» к сочинениям поэта и в настоящее издание не включены. Среди них выделяется «эпиллий» (маленькая эпическая поэма) «Комар», где, по мнению некоторых, высмеивается ритор Эпидий; «Комар» посвящен был младшему товарищу, «божественному мальчику Октавию» (Октавиану), который мог по достоинству оценить пародию на знакомый им обиход преподавательский стиль. Если верно, что стихи «Приложения», хотя бы некоторые, действительно сочинены Вергилием, мы имеем в них лишнее доказательство того, что он усвоил с юности поэтический вкус и приемы школы «новаторов», одним из главных представителей которой был Катулл (умер в 54 г. до н. э.).

Между тем Юлий Цезарь был убит приверженцами республики. Роковой 44 год открыл период междоусобных войн и политических переворотов, ставших через много веков материалом шекспировских драм. Когда на злосчастном поле при Филиппах разгромлены были республиканские войска, предводимые убийцами Цезаря Брутом и Кассием, впервые на политической арене заявил о себе восемнадцатилетний Октавиан. Став членом триумвирата, избранный Цезаря учинил безжалостную расправу с противниками, — проскрипции и казни устроили Рим. Возникшая распря с другим триумвиром, Антонием, в конечном итоге развязала руки молодому претенденту на власть. Флот Антония был раз-

громлен при Акцииуме, и он бежал в Египет вслед за своей Клеопатрой, чтобы разделить с ней славу добровольной смерти. Октавиан стал единодержавным правителем Римского государства, осторожно сохранив за ним название и даже внешний статут республики.

«Средь бурь гражданских и тревоги» Вергилий продолжал жить у себя близ Неаполя, как истинный последователь Эпикура, не вмешиваясь в волнения форума, культивируя в тишине свою поэзию. Лишь один раз был он потревожен, — из Мантуи пришли недобрые вести.

Октавиан, взяв в руки управление государством, оказался во главе страны, разоренной усобицами, голодной, с низко упавшим сельским хозяйством, полной недовольными, готовыми каждую минуту поднять мятеж. Для наведения порядка молодому правителю нужно было неотложно обеспечить себе, прежде всего, поддержку военных. Октавиан пошел на крайность, тоже не безопасную: он конфисковал земли у множества владельцев и роздал их тем, кому был обязан своими победами. Отец Вергилия оказался в списке лиц, чьи земли подлежали конфискации. Поэт поспешил в Рим и — видимо, без труда — отхлопотал поместье отца, правда, уже после того, как новый владелец чуть было не убил прежнего хозяина. Эти события отражены в первом крупном, не вызывающем сомнения в подлинности, произведении Вергилия в «Буколиках».

Посетил ли поэт когда-либо вновь свою родную Мантую, сказать трудно. Вернее, что она осталась для него лишь дорогим воспоминанием. С Римом же его связи, разумеется, не прекращались; есть непроверенное сведение, что у поэта был в Риме свой дом.

Следующее большое произведение Вергилия — поэма о сельском хозяйстве, «Георгики». Написана она была по совету Мецената, за которым стояла воля самого Августа, считавшего своевременным подкрепить поэзией свои усилия, направленные к возрождению земледелия в стране. Над «Георгиками» поэт трудился ряд лет. Он должен был перечитать немало специальных сочинений — и Гесиода, и Колумеллу, и Варрона, — но не приходится сомневаться, что одних книг было бы недостаточно для создания поэмы, изумляющей сочетанием поэтических достоинств со знанием дела. Проницательный Август верно выбрал нужного ему автора, усмотрев еще в «Буколиках» любовное отношение Вергилия к земле. «Георгики» считаются по праву совершеннейшим поэтическим произведением Вергилия; они заслужили ему уже громкую славу, а с ней и новые милости Августа.

По окончании «Георгии» Вергилий стал внутренне готовить себя к созданию произведения высокой, обобщающей тематики. Это стремление поэта счастливо совпадало с предназначениями Августа, — случилось редкое в истории литературы слияние поощрения сверху и душевной склонности автора. Римский народ не имел своего Гомера, нужно было заполнить недостойный великой нации вакуум, при этом связав судьбы народа с дальнейшими политическими расчетами Августа. Эта эпопея долженствовала по своему значению соперничать с Гомером.

На создание римской национальной эпопеи Вергилий потратил более десяти лет. Еще не закончив ее, он почувствовал потребность воочию увидеть те места, где происходят описываемые им события. С этой целью он отправился в Грецию и на Малоазийское побережье. В Афинах произошла встреча поэта с его державным поощрителем. Август посоветовал Вергилию возвратиться в Италию, взял

его на свой корабль. Всегда внимательный к своему и общественному здоровью, Август, вероятно, приметил, что поэт носит в себе какую-то подтачивающую его болезнь, и на самом деле Вергилий уже был так болен, что не мог добраться до Неаполя. 21 сентября 19 года до н. э. поэт скончался в калабрийском городе Брундизии (теперь Бриндизи), откуда его прах был перевезен в Неаполь и погребен на дороге в Позилиппо. Можно не без оснований предполагать, что Вергилий страдал с юности туберкулезом легких, который под влиянием жгучей греческой жары дал роковую вспышку в организме, к тому же ослабленном многодневной морской болезнью.

В античное время могила Вергилия благоговейно чтилась. Плиний Младший, в письме III, свидетельствует, что просвещенный Силий Италик подходил к ней, «как к храму». Ее вплоть до нового времени уверенно показывали приезжим, да и теперь в путеводителе попадается указание на место погребения поэта.

Есть предание, что Вергилий сам сочинил свою эпитафию, где намекает на три основных своих произведения. Текст ее сохранился:

Мантуей был я рожден, Калабрией отнят. Покоюсь
В Партенопее.¹ Воспел пастбища, сёла, вождей.

«Буколики» («пастушеские» песни), сочиненные Вергилием в сороковых годах, были им же самим объединены в сборник из десяти «эклог» («избранных» стихов), без соблюдения хронологического порядка.

Вергилий, как уже было упомянуто, примыкал по своему поэтическому направлению к «новаторам» предшествующего поколения и разделял с ними страсти к «александрийскому» стилю поэзии, предпочитавшему короткие эпиллии и широко пользовавшемуся мифологическими мотивами. Катулл обессмертил себя неповторимыми по свежести лирическими стихами и эпиграммами, но не они оказались на потребу начинающему Вергилию, а Катулловы эпиллии, и среди них в первую очередь «Эпиталама Пелея и Фетиды». Наряду с этим эпиллием должен быть упомянут и другой, «Смирна», принадлежавший Цинне, современнику и другу Катулла. Цинну высоко ценил Вергилий, и нам тем более приходится жалеть об утрате его произведений. Кроме того, Вергилий, конечно, читал греческих «александрийцев» и в подлиннике, что нам недоступно, поскольку их творения, изысканные и академичные, в большинстве до нас не дошли. К счастью, уцелело наследие одного из знаменитейших и особо стоящих поэтов «александрийского» направления — сицилийского уроженца Феокрита.

Феокрит почитается «отцом буколической поэзии», поскольку до него пастушеская тема имела лишь в народных произведениях. Постоянно встречающаяся у Феокрита «ответная» («амебейная») песня двух состязающихся пастухов впервые превратилась у него в литературный прием. Феокрит утвердил пастушескую тему в поэзии Европы, где она заняла на удивление устойчивое положение, отразившись в «идиллиях» едва ли не всех европейских народов.

Вергилий, по своей склонности ко всему деревенскому, не мог не увлечься буколической поэзией Феокрита. Для Рима пастушеская тема была новостью, и Вергилий, подражая Феокриту, оказался если не первооткрывателем, то первым латиноязычным представителем этого рода поэзии.

Вергилий в «Буколиках» более или менее близко следовал своему греческому предшественнику. Самого Феокрита он нигде не называет по имени, но называет «сицилийскими», тем самым указывая на свой источник.

Находились критики, которые готовы были попрекать Вергилия отсутствием самостоятельности. Это положение неверно уже тем, что оно высказывается с наших современных позиций. Прежде чем упрекать античного поэта в подражательности, — иногда похожей на то, что ныне называется плагиатом, — надо удостовериться в том, как сама античность относилась к «подражанию». Самый факт заимствования или близкого следования за образцом не был тогда унижительным для поэта.

В пределах XX века критика, преимущественно французская, выдвинула заманчивую проблему показать не «подражательность» Вергилия, а его «оригинальность».

В самом деле, стоит вчитаться в эклоги Вергилия без предубеждения, как отличия между ними и Феокритом бросятся в глаза. Мы обнаружим, что, условно, общим у обоих поэтов оказывается лишь тот мир, где происходит все, ими описанное. С тем, однако, различием, что пастухи Феокрита — рабы, а пастухи Вергилия, в плане их социального положения, охарактеризованы по-разному. Так, в эклоге I ясно говорится, что Титир был раньше рабом, но впоследствии выкупил себе свободу. Трудно сказать, раб ли пастух Дамет (эклога III), который пасет стадо, порученное ему Эгоном. Вероятнее всего, что Эгон — владелец скота, но нет прямых оснований считать, что пастух — его раб; вернее предположить, что он принадлежит к тем обедневшим мелким хозяевам, которых в условиях общей смуты и упадка в сельских областях нужда заставляла идти в работники к более обеспеченным соседям (иногда это могло переродиться и в настоящее рабство). Таким же свободным, хоть и зависимым работником представляется и Мерис из эклоги IX. Он несет ягнят новому «пришельцу», владевшему его землей при распределении угодий между ветеранами; но и в этом нельзя видеть указания на рабское положение пастуха. А в эклоге III Меналк не решается поставить что-либо из стада в заклад, потому что у него дотошные отец и мачеха, и это явно показывает, что данная семья работает в собственном хозяйстве.

Мир сельских пастухов, их незатейливый быт у Феокрита изображен более остро реалистически, чем у Вергилия; Феокрит более точно локализует своих пастухов в сицилийском пейзаже. Существеннее, однако, то, что подоплека пастушеской поэзии у Феокрита совсем иная, чем у Вергилия.

Феокрит писал в III веке до н. э., то есть уже в пору разложения тех политических формаций и того общества, которое сложилось в V–IV столетиях до н. э., чтобы переродиться после походов Александра, открывших миру новые горизонты и сблизивших запад и восток. Для тогдашнего общества, поглощенного материальными заботами, потерявшего религиозность предков и политическую страстность, пастушеская тема была скорее развлечением, удивившим от цивилизации, подобно тому как это было в Европе XVIII века.

Идиллии Феокрита целесообразно рассматривать в сравнении с «салонным» искусством его эпохи, особенно с «александрийскими» рельефами, изобилующими буколической тематикой. Нельзя не отметить, что идиллии Феокрита далеко не чужды эротики, иногда откровенной.

Идилличность Вергилия носит иную окраску. Дело не в том, что у Вергилия тоже встречается пристрастие к юношам, вообще свойственное античному миру и не казавшееся предосудительным, а в том, что, как бы ни изображалась любовь

в его эклогах, она не теряет целомудрия. Вергилий относится к своим пастухам серьезно и почти не прибегает к юмору, отчего у его эклог несколько приподнятый тон, несмотря на отдельные участки простой, хотя и не грубой речи. Этот общий тон позволил Вергилию посвятить некоторые эклоги более возвышенным темам.

Если мы в идиллиях Феокрита вправе усматривать поэзию, угодную обществу, клонящемуся к упадку, то в эклогах Вергилия, несмотря на внешнее сходство с Феокритом, мы чувствуем здоровье молодой эпохи, времени становления, а не разрушения. Их автор не увлекается бытовыми сценками, напоминающими известные мимамбы Герода, он смело касается больших философских тем, отражающих воспринятые и продуманные автором философские концепции эпикурейства и отчасти стоицизма.

В свете сказанного приходится иначе оценивать подражательность Вергилия, и не так уж существенно сопоставлять у того и другого поэта отдельные приемы, утверждать лишний раз, что и там и тут пастухи состязаются в пении, дарят девушкам яблоки, смотрятся в гладь воды, чтобы убедиться в своей красоте, и, наконец, исполняют множество одинаковых пастушеских обязанностей.

Если мы понимаем уход Феокрита в пастушескую примитивность как реакцию просвещенного, утонченного человека против надоедливой цивилизованной суеты, то это не может относиться к Вергилию. Ему не от чего было бежать. Если он томился, то лишь от вечных распрей, терзавших Италию, если он жаждал тишины, то не тишины трианонов, а мира для своего народа, мира, который станет темой и пафосом также и последующих его сочинений.

Эклога I написана Вергилием после того, как он отхлопотал у Августа землю своего отца. В диалоге между старым и благополучным Титиром и пострадавшим Мелибеем, вынужденным покинуть родовое владение, запечатлена картина того, что происходило в Италии, в частности, в окрестностях Мантуи и Кремоны. Конкретность пейзажного письма Вергилия побудила ученых искать как в первой, так и в прочих эклогах поэта точных указаний на действительно существующие местности. Ученая мысль начала рыскать по Италии, обеспокоенная тем, что география эклог полна противоречий и неточностей. Но каждому, кто подойдет к «Буколикам» с точки зрения поэзии, ясно, что все пейзажи эклог — условны, что в этой воображаемой Аркадии встретятся и мантуанские черты, и черты окрестностей Неаполя, что все соединено ради поэтической, а не географической правды.

Та же эклога I дала повод критикам нового времени обвинять Вергилия в низкопоклонстве. Действительно, на наш современный взгляд, Вергилий расточал Августу nepзoвoлитeльнo пpямoлинейные похвалы, переходившие как бы в поклонение. Но опять-таки, чтобы правильно оценить позицию Вергилия, мы должны перенестись в тогдашнюю атмосферу Рима. Главное, что ее характеризует, это всеобщее утомление бесконечными, ненужными народу, кровопролитными усобицами, следствием необузданных честолюбий и корыстей. После мира с Антонием положение изменилось; юноше, захватившему, опираясь на имя Цезаря, власть, уже некого было опасаться; во весь рост встала основная, единственно животрепещущая, единственно обязательная проблема — восстановления мирной жизни в Италии. Смотрели больше вперед, чем назад. Неустойчивость власти, приводившая к всенародным бедствиям, заставляла чаять сильной

и благонаправленной руки. Римлянин перестал доверять эдиктам сената и риторике ораторов. Октавиан встал над Римом, как символ умиротворения. Люди уже успели оценить его такт, его непреклонность в сочетании с доброжелательством, его скромность в сочетании с ясностью ума. Римляне, привыкшие к крови, скоро позабыли его казни; они не могли не оценить, что участвовавшие в битве при Филиппах бывшие сторонники Брута и Кассия были приняты им в свой избранный круг, — к ним принадлежали известный покровитель поэтов Мессала и Гораций, украсивший время Августа своей совершенной лирикой. Октавиан не мог не казаться современникам явлением чудесным, неким посланцем богов. Смутная идея божественного единодержавия воплощалась воочию; герои, такие, как Ахилл или Геракл, приобщены были к сонму олимпийцев. То, что Октавиан был признан земным «богом», не должно вызывать у нас удивления, особенно в обратной перспективе двух тысячелетий. Поэтому, когда мы читаем в эклоге I слова Титира-Вергилия:

О Мелибей, нам бог спокойствие это доставил —
Ибо он бог для меня, и навек... —

мы должны признать это не только данью личной благодарности, выраженной в возвышенных формах. Нам, конечно, естественно думать, что в сознании Вергилия, принявшего учение Эпикура и знакомого со стоицизмом, понятие «бога», в применении к живому человеку, было условно. Но, во всяком случае, мы можем отметить, что в эклоге I нет никаких подобострастных выражений.

К сказанному следует добавить, что Неаполь был местом схождения разнообразных религиозных и философских систем, притекавших с Востока, главным образом из Сирии. Там перекрещивались и мистерии Митры, и иудейские идеи единобожия, и иранское миропонимание, с дуалистической основой и выработавшимся культом единовластия. Вергилий знакомился со всеми этими течениями и в некоторых восточных концепциях мог находить идейное оправдание того, на что уповала его патриотическая и миролюбивая душа. Вероятно, Август искал в них опоры своему небывалому единодержавству.

Кроме всего прочего, постыдное царство лести настало в Риме позже, чтобы потом перейти к ориентализованному двору Византии. Между признательностью «божественному» Августу Вергилия и низкопоклонством Марциала разница принципиальная.

Среди «Буколик» есть несколько эклог, ограниченных узко пастушеской тематикой (III, VII и отчасти IX), — в них наиболее сохранна народная традиция амебейного пения с его разнообразием, переданная Вергилию Феокритом. Две посвящены непосредственно любовной теме (II, X). Десятая представляет особый интерес. Излияния ревнивой тоски покинутого любовника вложены в уста не условного, вымышленного действующего лица, но реального человека, близкого Вергилию по поэтическим занятиям и общественному кругу. Ее герой — Галл, одна из самых блистательных личностей века, баловень судьбы, пользовавшийся совершенным доверием Августа, расточительный правитель Египта, впоследствии из-за своего легкомыслия утративший это доверие, смешанный со своей высокой должности и в отчаянии покончивший с собой. Эклога о Галле стоит особняком в ряду буколической поэзии: в ней выражаются от первого лица любовные страдания определенной, конкретной личности, и это сближает ее с выражениями любви у «элегиков», таких, как Тибулл или Проперций.